

Н.Я. Марр

Избранные работы

Том 5 Этно и глоттогония восточной Европы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Я. Марр**
Избранные работы: Том 5 Этно и глоттогония восточной Европы / Н.Я. Марр – М.: Книга по Требованию, 2012. – 694 с.

ISBN 978-5-458-33590-4

ISBN 978-5-458-33590-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие к пятому тому

I

Н. Я. Марру не довелось видеть пятый том своих «Избранных работ» напечатанным, так как настоящий том, скомплектованный и подготовленный к печати, как и остальные томы пятитомника, на основе указаний Н. Я., выходит из печати уже спустя почти год после смерти Н. Я. (20 декабря 1934 г.). Пятый том «Избранных работ» Н. Я. Марра озаглавлен «Этно- и глоттогония восточной Европы», так как в его состав входят работы, освещающие преимущественно сложный комплекс проблем, связанных с древнейшими историческими судьбами европейской части СССР, в частности проблемы скифскую, русскую, русско-кавказские связи, место украинского языка в мировом глоттогоническом процессе, вопросы древнейшей истории народов Приволжья и Приуралья.

Не только широким слоям, но и узким кругам ученых-специалистов Н. Я. известен преимущественно как языковед. Лингвистика, действительно, была главным полем его многогранной научной деятельности, проблемы языка бесспорно занимают первое место в кругу тех исследовательских задач, разрешению которых были отданы сорок пять лет его работы, но вместе с тем Марр-языковед все же лишь один из аспектов этого великого ученого.

Дело в том, что изучение языка никогда не являлось для Н. Я. самоцелью: даже в специально-лингвистических работах язык привлекается им как средство к познанию истории человечества, частью которой является разработанная Н. Я. история языка в мировом масштабе, учение об едином глоттогоническом процессе. Для Н. Я. язык — исторический источник наравне с письменными документами и памятниками материальной культуры. Язык — источник, позволяющий проникнуть в отдаленнейшие эпохи, от которых не осталось письменных и вещественных памятников, притом источник, вводящий в навсегда утерянное, казалось бы, общественное мышление прожитых стадий истории человечества. Не голые, абстрактные отношения изолированных от мысли и жизни звуков и форм речи приковывали к себе внимание Н. Я., а вскрываемые ими конкретная жизнь, мышление и труд людей, их борьба с природой и рожденная и умирающая вместе с классовым обществом борьба классов, поскольку они отразились в языке.

Анализ внутренней структуры языка и его сложных взаимоотношений с другими явлениями общественной деятельности людей давал Н. Я. ключ к пониманию истории тех общественных групп — племен, классов, сословий, партий, школ и т. д., — для которых изучаемый Н. Я. язык являлся средством общения

и орудием классовой борьбы и идеологию которых он отражал. С фактами языка Н. Я. сопоставлял археологические и этнографические материалы, данные литературных источников, и работы его над памятниками истории материальной культуры являются в то же время лингвистическими исследованиями, а филологические его работы по своим выводам с таким же правом могут быть названы историческими монографиями.¹

Углубленное исследование Н. Я. древнейших периодов истории, его внимание к историческим судьбам теперь забытых и, казалось бы, бесследно исчезнувших племен и народов продиктованы были доминирующим во всей деятельности Н. Я. стремлением полнее, шире, глубже и лучше понять слагающиеся отношения современности, уяснить действительную историю человечества, подчеркнуть значение в историческом процессе малых народов.

В результате работ Н. Я. давным-давно мертвые племена — скифы, халды, колхи, этруски, иберы и т. д. — были вскрыты как пережиточно сохранившиеся в архаичных, занесенных позднейшими отложениями слоях современных народов и классов. Так, окутанные дымкой классических мифов Эллады колхи предстали в свете трудов Н. Я. как коренной пласт грузинского крестьянства (глехи), сам русский термин «крестьянин» разъяснился как двойник племенного названия этрусков,² загадочные пелазги, о существовании которых до сих пор еще идет спор в исторической науке, воскресли в языке и племенных названиях лезгин Дагестана. Точно также киммерские и скифские предания раскрылись в основе преданий и легенд, сохраненных позднейшей письменностью армян и русских,³ религиозные верования сарматов и этрусков удалось уточнить путем изучения чувашей, сванов и других народов Кавказа и Поволжья. На берегах Волги и Камы, в сложной, перекрещивающейся этнической среде населения Поволжья и Приуралья — татар, удмуртов, чувашей, мариев, вогулов, коми (зырян и пермяков) — Н. Я. мог разглядеть не только памятники начальной эпохи русской письменной истории — культуру хазар и болгар, бытующих в современности, не только живущие и ныне названия сказочных скифских племен — аргиппаев, аримаспов и др., но и явственные связи населения Поволжья с древнейшим культурным народом Месопотамии — шумерами. В Армении клинопись халдов выступила как

¹ См., напр., Н. Я. Марр, Аркаул, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах, ВВ, т. XII, № 1—2, стр. 1—68, Спб., 1906 г., или «По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века (К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях)», здесь, стр. 67—113.

² См. работу Н. Я. Марра «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, и русской речи и топонимике (Вперед к чувашам и на Волгу)», здесь, стр. 310—322.

³ См. Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, здесь, стр. 44—66.

яфетическая речь, близкая к современным языкам Закавказья, а остатки грандиозных древних водоснабжающих сооружений позволили поставить вопрос о возможности их технической реставрации и использования. И когда Н. Я. в последнюю поездку свою в Турцию побывал на развалинах Трои, Сард, Эфеса и Пергама, его исследовательская мысль смогла увидеть в массе турецкого крестьянства, в его материальной культуре и языке живые и в настоящее время переживания древнейших насельников Анатолии — хеттов и лидийцев, а за популярной фигуркой турецкого Петрушки-Карагеза — легендарный образ царя-богача Креза.

Как же Н. Я. удалось все это? Почему не усмотрели этого те многочисленные ученые, которые всю свою жизнь потратили на поиски хотя бы хазарских памятников? Ответ мы находим у Н. Я., который, говоря о бесплодности старых научных путей индоевропеизма в исследовании кельтской проблемы (одной ли кельтской проблемы?), отмечал, что «кельтский вопрос интересен не только сам по себе, кельты иллюстрируют своей судьбой судьбы народов, преемствовавших позднее во владениях скифов, от Кавказа с его Каспийско-Черноморским междуморьем до пределов их экспансии по Волге и Дону на север, они иллюстрируют исторические судьбы хазар, исторические судьбы болгар, которые везде были, и ничего прочного от них не находят ни по материальной, ни по речевой культуре там, где они известны исторически. Какое поразительное, невероятное явление: ищут и не находят даже целые города, столицу болгар, ну хотя бы Саркел, и никогда не найдут; если бы ученые оказались в самой этой хазарской столице (может быть, она и сейчас красуется на Волге или на другой реке без всяких раскопок), то они ее не признали бы, ибо ученые ищут то, чего никто не терял, они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народов-массивов без изменчивости типа во времени и пространстве, т. е. в вопросе о текущем социально-экономическом образовании, не устоявшемся типологически коллективе бурного переходного времени, ищут фантомов, созидаемых по образу и подобию представлений о стабилизированном впоследствии историческом или современном нам этнографическом типе без учета в их речи эволюции «пермутационного» порядка, собственно без учета революционных сдвигов, перерождавших сами типы языков в зависимости от сдвигов в хозяйственной жизни и в развитии общественных форм, и без учета творческой роли руководящих слоев, классов или сословий, выделявшихся в путях развития, когда при определенных однородных социально-экономических предпосылках один и тот же результат получается в различных местах, независимо от миграции».¹

¹ Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, здесь, стр. 430.

Смело продвигаясь вперед по новым, непроторенным дорогам, порывая с устаревшими авторитетами, подвергая исследованию и критике каждый наблюдаемый и привлекаемый факт, Н. Я., изучая историю древнейшего населения восточной Европы, не только отбросил старые, одряхлевшие представления и схемы, но и наметил принципиально иные подходы и пути, с помощью которых может быть построена марксистско-ленинская история народов СССР. В изданной в 1933 г. в Тифлисе работе «К истории Кавказа по данным языка» Н. Я. писал: «вся история не Грузии и Армении, не Закавказья, не Кавказа лишь, а в мировом масштабе, оказалась и находится в положении, требующем коренного пересмотра... Кавказ доселе имеет не историю, а классовую феодально-буржуазную фальсификацию истории отдельных национальных мирков при наличии богатейших материалов для построения подлинной истории, марксистско-ленинской, при наличии уже четких наметок истории, сделанных в освещении нового учения об языке и для общекавказской истории. Да разве только по Закавказью, да Кавказу, наличны такие четкие наметки исторического построения, прорублены яркие просеки новым учением об языке в темном бору устаревших исторических знаний, подрывты напластования позднейших эпох, казавшихся грунтом, прослежены жизненные побегии начальных завязей, вскрытых при оголении корней, о коих не только конкретного представления не было, не было даже стихийно-гадательных исканий? А по эпохам истории населения самой западной Европы, того, что действительно и творчески предшествовало и Франции и доримской Галлии на галло-бретонском материке, — того, что развертывалось на Британских островах до развития Англии, и того, что создавалось на Пиренейском или Иберском полуострове, до порождения из него Испании и Португалии? И в восточной Европе в том же порядке с яркостью осязаемых предметов установлены уже требующие учета достижения по связи с мидами, скифами, кимерами и т. д. Или история трактовки проблем истории восточной Европы должна протекать на конгрессах в старых путях замалчивания этих конкретных достижений о конкретных советских нациях, чувашах, удмуртах, коми и т. д?! А самое новое учение призвано пробивать себе пути как бы подпольно в кавказских ущельях?»

II

Работы, включенные в состав пятого тома, распадается на две группы. В первую группу вошли исследования скифского вопроса и русско-кавказских связей, во вторую — труды, относящиеся к изучению народов Волжско-Камского края. Внутри каждой группы работы расположены в хронологическом порядке, что позволяет читателю не только следить за ходом научных работ Н. Я. Марра,

но и показывает на конкретном материале, как изменялась методология нового учения об языке, как в процессе его развития старые теоретические позиции заменялись новыми, позволившими Н. Я. Марру переключить свою деятельность на пути марксизма-ленинизма. Вне хронологической последовательности помещена одна небольшая статья «О происхождении имени Анапа», опубликованная Н. Я. Марром в 1914 г., но по своему содержанию теснейшим образом увязанная с циклом его работ 1924—1926 гг. по абхазоведению.

Ряд работ, посвященных скифской проблеме, открывается исследованием термина «скиф». Посвященное памяти В. Ф. Миллера, оно было впервые напечатано в первом томе «Яфетического сборника» в 1922 г. Основное положение работы—яфетическое происхождение скифов, которое доказывается подробным разбором дошедших до нас разновидностей их племенных названий. Если лингвистическая техника этой работы остается старой, формальной, то общая методология содержит много черт нового, выявляет качественное отличие подхода Н. Я. от традиционной индоевропейской трактовки вопроса. Так, наряду с анализом изменения форм показателей множественности, особое внимание уделено Н. Я. проблемам семантики, и племенные названия рассматриваются в связи с их разнообразными дериватами.

«Этнический термин Σκίθης,— пишет в этой работе Н. Я. Марр, — мало сказать, что яфетического происхождения и по корню, и по основе, и по формативу; мало сказать, что он имеет давнишнее распространение в яфетических странах, еще до момента исторически засвидетельствованного вторжения скифов, очевидно, одного из громких эпизодов позднейшей мировой их истории, в Переднюю Азию; он давно неразрывно врос в пережиточный слой географической номенклатуры Кавказского края. Более того, у кавказских яфетидов и полуяфетидов основа термина отложилась в речи в качестве названия золота, со скифом в их представлении связывалось добывание золота, золотых дел мастерство в широком смысле слова, вообще золото». Анализ сохранных Геродотом имен скифского родословия позволяет Н. Я. Марру сделать вывод о связи скифов с яфетическими народами Северного Кавказа и Закавказья и сопоставить с намеченной скифской генеалогией мифологическое изображение генеалогии народов Черноморского Кавказа, раскрываемое им в мегрельской сказке о «Гериа». «Как ни важен вопрос о скифах в связи с выяснившимся значением их древностей, с их ролью в мировых событиях эпохи, с их распространением от Черного моря до Закаспийской области, Туркестана, Персии и Малой Азии, но вопрос становится еще более важным и сложным, — заканчивает исследование Н. Я. Марр, — поскольку он этнологически связывается с Кавказом. Он был бы таким «еще более важным и сложным», если бы эта этнологическая связь касалась

лишь названия, но налицо более реальные духовные и вещественные связи с Кавказом, и это вынуждает еще раз указать на бóльшую важность и сложность скифского вопроса, чем то представляется при современной постановке в научной литературе».

Эти «более реальные духовные и вещественные связи с Кавказом» прослеживаются Н. Я. Марром в последующих его изысканиях, о характере которых можно судить по представленной им в ноябре 1921 г. в Отделение русского языка и словесности Академии наук «Записке» (датирована 9 ноября 1921 г.):¹ «В процессе яфетидологической работы над вопросами о сродстве или скрещении кавказских яфетических языков с яфетическими языками населения, занимавшего некогда юг России, в первую голову со скифским (до его иранизации и вообще индоевропеизации), все больше и больше всплывают у меня в последнее время случаи вскрытия яфетидизмов в русской речи... Отсутствие слависта-яфетидолога, однако, является естественным препятствием на пути внесения яфетидологических изысканий в Русское отделение в необходимом для него аспекте, в частях, говорящих об яфетическом вкладе в русскую речь, будет ли он разъяснен как заимствование или, что с нашей точки зрения представляется возможным, как наследие скрещенных предшествовавших на юге России славянской речи индоевропейских языков с бывшими еще раньше там же яфетическими языками, прежде всего скифским и сарматским или, вернее, их наречиями и говорами. В то же самое время считаю себя нравственно обязанным не таить того, что вскрывается передо мной в пределах моих слабых яфетидологических сил и, разумеется, бесконечно меньшей компетенции по славянскому языкознанию. Особенно не могу умолчать о случаях, когда яфетидологические, допустим, пока лишь теоретически возможные толкования касаются языковых явлений или фактов, признаваемых темными или недоуменными при подходе со стороны индоевропейской лингвистики. Только-что такое «возможное» яфетидологическое разъяснение получилось для глагола «купаться» и мифологического термина «купала» («Иван-Купала»), что и подвинуло меня написать настоящее обращение, переполняя чашу мсего, разрешите так выразиться, терпеливого молчания. Думаю, не один глагол «купаться» со сродным значением может оказаться в русском тяготеющим к яфетическому источнику, но в связи с термином *karala*, уносящим нас в глубь далеких культурно-исторических, более того — этнокультурных или расово-культурных перспектив, яфетическое происхождение слов основы *коро* и *пр.* способно представить исключительный интерес. Повидимому, мы находимся на пути обнаружения пережитка культа яфетического водяного

¹ ИРАН, 1921 г., стр. 170—171.

божества рыбы, на древнем Востоке известного под название vшар и т. п.». Свою «Записку» Н. Я. Марр заканчивает предложением печатать в одном из изданий Отделения яфетидологические этимологии русских слов под заглавием «Яфетические элементы в русском языке», серию, аналогичную ранее предпринятой Н. Я. Марром серии — «Яфетические элементы в языках Армении».

Задуманная Н. Я. Марром новая серия несколько задержалась, однако, реализацией, так как другие проблемы, вставшие перед ним, заставили отложить в сторону работу над русско-яфетическими связями. Н. Я. Марр практически осуществляет свое намерение только 18 мая 1922 г. в речи, произнесенной на торжественном годовом общем собрании ГАИМК, озаглавленной «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси», где сообщает о своих изысканиях по древнейшим связям Кавказа и Руси, устанавливая общую яфетическую, конкретно—скифскую, подпочву обоих этнокультурных районов.

В начале этой работы Н. Я. Марр подчеркивает исключительное богатство русской «живой старины», восходящей к яфетическим истокам. «Что можно представить себе более сильное по яркости и где в иной из просвещенных стран такое невероятное разнообразие этнографического материала, такое обилие материализованных в самой жизни доисторических реальностей, как в России? Языки или наречия с их конкретно ощущаемым звуковым составом и словосочетанием, словесность со сказками и мифами, ошеломляющий европейца-горожанина быт, окружающая нас живая и мертвая материальная среда, не исключая и повседневно используемых нами имен и названий, названий самых близких русскому народу, самых для него интимных, с печатью изначального события с ним, все, все это и многое другое неудержимо тянет нас к далеким и сложным началам русского народа». Оговорившись, что лингвистический индоевропеизм завладел «русской научной мыслью до невероятной степени ослепления и равнодушия к окружающей яркой русской действительности», Н. Я. Марр резко критикует господствующую в науке установку «вопрос о племенном составе русского народа возводить к славянскому единству, к совершенно первобытно воспринимаемой этнической чистоте славянства», которую он характеризует как миф, «созданный в кабинетах», «книжный постулат лингвистической рабочей теории, построенной на сродстве позднее сбытовавшихся языковых явлений, не разъясненных генетически, да и не могущих быть разъясненными безжизненной гипотетической схемой».

Точно также как в свое время при раскопках средневекового Ани Н. Я. Марр разоблачил серию легенд, образующих «книжную историю» этого города, так и здесь, сопоставляя известное предание летописи о начале Киева с параллельным сказанием о построении города Куара в Армении, сохраненное армянским писателем V в. Зенобом Глаком, и подвергая яфетидологическому анализу

ономастический, топо- и этнонимический материал сказаний, Н. Я. Марр доказывает, что обе легенды возникли на базе позднейших преданий, давших как армянскую, так и русскую версии.

Развернутое обоснование тезиса о племенной и культурной общности древней Руси и яфетического Кавказа, разъясняющее ряд деталей, лишь бегло намеченных в «Книжных легендах», Н. Я. Марр дал в работе, которая писалась им почти в то же время, что и «Термин «скиф», но которая появилась в печати много позднее;¹ речь идет об обширном труде (сам Н. Я. именовал его «заметкой») «По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях)». Взяв за исходный пункт своего исследования анализ одного слова, не понятого издателями текста «Истории албанов» армянского историка Моисея Каланкатуйского (VII в.), Н. Я. при помощи тончайшего филологического и лингвистического анализа и подавляющей по обширности эрудиции создал труд, посвященный выявлению взаимоотношений племен и языков Черноморского и Каспийского бассейнов. Эта работа характерна и для прослеживания разрыва Н. Я. Марра с индоевропейскими представлениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести здесь следующее заявление автора: «нас интересует генезис языков не в разрезе лишь теоретического построения о происхождении от праязыка одной расы с развитием презумируемых атавистических его задатков, а в жизненной многогранности полноты материально-реальной природы их, сложившейся в результате протекавшего веками процесса гибридизации и вообще скрещивания, или метисации, со всеми ее последствиями по перерождению материи и форм».

Во всех перечисленных выше работах русско-яфетические связи прослеживаются Н. Я. на материалах яфетических языков Кавказа. Три этимологических этюда, объединенных в небольшую работу «Из яфетических пережитков в русском языке. I. Мяч. II. Племя. III. Красный», напечатанную в 1924 г., показывают яфетические элементы в русском языке уже на более обширной лингвистической базе, включающей также и яфетические языки Запада.

Четыре последующих работы: «Термины из абхазо-русских этнических связей «Лошадь» и «Тризна» (к вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения)», «Сухум и Туапсе (Киммерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья)», «Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы)» и «Русское «человек», абхазское аоуџ» — составляют в рамках первой группы особый цикл работ,

¹ В 1925 г. в связи с тем, что издание первого тома ТРКФ, где напечатана эта работа, продолжалось более года, Н. Я. Марром были внесены в текст значительные изменения и дополнения, что и заставило нас поместить ее здесь на третьем месте.